

На правах рукописи

Кондратенко Валентин Иванович

**РЕСУРС ДОВЕРИЯ К ПРАВУ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

18 MAR 2009

**Ростов-на-Дону
2009**

Работа выполнена в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель:	заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор Волков Юрий Григорьевич
Официальные оппоненты:	доктор социологических наук, профессор Степанов Олег Васильевич, доктор философских наук, доцент Матяш Дмитрий Владимирович
Ведущая организация:	Краснодарский университет МВД России

Защита состоится «20» марта 2009 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ИППК ЮФУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Южного федерального университета (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан « 20 » февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что в российском обществе проблема становления и функционирования института права не является только технологической. Происходящая в настоящее время модернизация системы права требует перемен в восприятии сущности и возможностей права в современном обществе, которое было бы способно оказывать доминантно-регулирующее воздействие на поведение основных социальных групп и сферу обработки и принятия управленческих решений властными структурами. Для современного состояния институтов права актуальным является включение базисных социальных диспозиций в систему правовых отношений, выстраивание и обеспечение механизмов правового взаимодействия власти и социальных групп. Этому должен служить ресурс доверия к институту права, наделяющий право признаками и легальности, и легитимности.

Использование ресурса доверия к праву позволяет властным структурам получать реальную возможность для повышения эффективности властных ресурсов в системе совершенствования социальных и социально-политических отношений, а также использовать адекватные механизмы при проведении практических решений. В связи с этим можно определенно говорить об объективном усилении социально-регулятивной роли права. Кроме того, возникает необходимость перманентного обеспечения института права постоянно обновляющейся информацией о состоянии и тенденциях развития правового поведения и правового сознания населения. Такой подход позволяет, с одной стороны, минимизировать негативные тенденции дисфункциональности права, а с другой – оптимизировать воздействие права на социальную среду.

Процесс изучения и анализа ресурса доверия к праву обозначен в социологии. Однако существующие социологические концепции имеют ряд недостатков. Последнее можно объяснить исходя из сложности и многоаспектности самой проблемы.

Тривиальное утверждение о правовом нигилизме российского населения, также как и маргинализации права в системе социальных

отношений, требует не просто ссылки на укоренившиеся стереотипы или архетипы российского общественного сознания или культурную ментальность. В социологическом измерении доверие определяется исходя из социального опыта населения, из того, насколько ресурс доверия/недоверия способен обеспечить как реализацию индивидуальных целей, так и стабильность на социальном уровне группового взаимодействия.

Ресурс доверия к праву в этом контексте выступает способом воспроизводства и развития общественных отношений. И поэтому кроме внешних факторов, воздействующих на состояние ресурса доверия, существуют внутренние субъективные механизмы, определяющие особенности формирования и актуализации ресурса права, познание которых составляет важнейшую задачу социологии.

Исследования и публикации по проблемам ресурса права носят, в большей степени, «зачаточный» характер и вызваны не столько потребностью исследования ресурса права как эффективного социального инструмента, сколько необходимостью повышения легитимности института права. В то же время есть необходимость изучать ресурс доверия к праву не только с позиций институциональных правовых практик, но и в субъектном измерении, исходя из реального положения с правосознанием и правоповедением российского населения.

Таким образом, проблемы права, особенно с переходом к правовому государству, пока изучены недостаточно. Особенно это касается проблемы институционализации доверия, поддержания уровня социальной солидарности, который включает как институты права, к которым проявляется доверие, так и субъектов, которые выражают доверие к правовым институтам.

Неразработанность темы закрепляет ожидание возрастания доверия к праву, т. е. к доверию «априори», в то время как эффективность права зависит от институционального доверия и через доверие к праву – к агентам правового влияния и воздействия, исполняющим роли по разработке, внедрению и реализации норм права. Пока же в российском обществе право достигло только уровня избирательного (частичного) доверия, в то время, когда целью представляется дости-

жение общего доверия, то есть, опять же, ожидания априори. Однако ресурс доверия к праву восходит к системному доверию и не может ограничиться совершенствованием технологических аспектов права.

И если все действия людей, как пишет П. Штомпка¹, ориентированы на будущее, то во многом это определяется ожиданиями, связанными с правом. Такой подход позволяет уйти от бинарности право/справедливость, писаное/неписаное право. В условиях социальной разобщенности и роста социальной анонимности, рисков, создаваемых дезинтегрированностью социальной среды, конечно, невозможно избежать. Но если мы говорим о необходимости взаимодействия в обществе, то актуальным становится включение ресурса права.

Доверие к институту права, по крайней мере, позволяет уменьшить неуверенность и укрепить предположение, что и другие будут действовать в рамках права. И, следовательно, это повышает уровень социальной стабильности и социального оптимизма. В противоположном случае, несмотря на усилия по совершенствованию института права, в обществе создается мощный охранительный барьер влиянию права. Дистанция населения от государства не только воспроизводится, но и пролонгируется.

Таким образом, проблема доверия к институту права имеет отчетливо выраженный теоретический и социально-практический смысл. И ориентация на исследования института права позволяет надеяться заполнить определенный теоретико-методологический вакуум, и, что не менее важно, выработать определенные подходы к позитивной динамике к перемене восприятия права в обществе и включения права в реально действующие правила социальной игры.

Степень научной разработанности темы. В социологической традиции проблема восприятия права впервые была определена Г. Тардом, принадлежавшим к социально-психологической школе. В наиболее известной его работе «Законы подражания» (1890 г.), исходя из социального поведения, как подражания образцам, Тард определяет отношение к институту права, полагая, что индивиды воспринимают друг у друга поведенческие стереотипы на уровне

¹ Штомпка П. Социология. М., 2007, С. 325.

межличностного общения. И не менее важно, что отношение к праву у населения зависит от того, насколько элиты используют право для достижения своих целей.

Тард также сформулировал вопрос о влиянии «эффекта толпы» на восприятие права. Ученный определял толпу как общность, движимую внушаемостью, а не доверием. И это обстоятельство заслуживает внимания, поскольку согласно выписанному механизму подражания право, для того чтобы стать ресурсом доверия, должно ориентироваться на компетентного индивида.

В трудах Э. Дюркгейма право является основой общественного порядка, хотя для него общество – это прежде всего совокупность идей и убеждений, среди которых первое место занимает мораль. Но, в отличие от Г. Тарда, Дюркгейм дистанцируется от психологии, придерживается мнения, что право относится к коллективным представлениям, и тем самым отличает современного человека от традиционного, базирующегося на понятии коллективного бессознательного.

Институт права, по Дюркгейму, ассоциируется с ожиданием и возрастанием респективности, уменьшением репрессивности, характерной для традиционного общества. В целом Дюркгейм поднимается к пониманию институционализации права как исходной позиции в исследовании доверия к праву. Чем выше функциональность права, тем более предсказуемо, что повышается и доверие к праву, которое становится условием коллективного социального поведения.

Социально-правовая концепция М. Вебера построена на реализации идеи о том, что тенденция социального развития связана с рационализацией общественных отношений. И это движение от традиционного общества воспринимается Вебером как тенденция нарастания права, принуждающая человека к целерациональному поведению.

Как утверждает Вебер, доверие к праву в объективном смысле является готовностью индивида принять рациональное поведение и признать универсальность права через реализацию его анонимности в бюрократических структурах.

В работах Т. Парсонса право определяется парадигмой структурно-функционального анализа, для которого дифференциация общества, являясь «естественным» путем социального развития, приводит к разнообразию социальных ролей, которые регулируются через систему правовых отношений; и включение индивида или социальной группы в общество через систему права является наиболее оптимальным в контексте социальной интеграции.

В постклассической социологической мысли (П. Бурдьё, Э. Гидденс), осознание ресурса права приобретает концептуальный смысл и рассматривается как мейнстримовое условие поддержания социального порядка, так как социальный порядок воспроизводится через действие индивидов и право является инструментом и регулятором социального взаимодействия в той степени, в которой оно воспринимается в индивидуально-структурном и группово-структурном уровнях.

Для П. Штомпки доверие к праву является эффективным в современном обществе, т. е. носит инструментальный характер, в то время, как мораль определяется аксиологическими ожиданиями. Выявляется противоречие в анализе доверия к праву, с одной стороны, в том, что современный человек живет в обществе риска, в то же время доверие к праву связано с опекунскими ожиданиями. Поэтому в современном обществе, исключая крайнюю позицию абсолютного недоверия к праву, что наименее обосновано и «патологично», нужно исходить из того, что повышение доверия к праву являет переход от опекунских (патерналистских) ожиданий к эффективным ожиданиям, ориентированным на достиженческую мотивацию личности.

В современной российской социологии доверие к праву рассматривается в институциональном смысле как условие успешной модернизации общества через внедрение институтов права, а так же через модель современного гражданского участия, понимая его как регальную активность граждан, дающую больше возможностей для социальной организации, как условие социального развития. В работах Т.А. Заславской, Г.А. Осипова, М.А. Шабановой доверие к праву рассматривается как связующая переменная, медиаторная величина между социальными институтами и структурой общества.

В соответствии с этим доверие к праву идентифицируется в зависимости от социальных позиций. Артикуляция доверия к праву, таким образом, определяется социальным статусом индивидов, их доступом к правовым ресурсам. С.В. Патрушев, В.А. Ядов, А.Д. Хлопин исследуют и анализируют право исходя из наличия деятельностно-мотивационных структур. Замещение анонимного доверия, связанного с локальным доверием, приводит к эффекту патернализации права, т. е. к смещению его значимости к неадекватным опекунским ожиданиям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социологическая мысль накопила определенный уровень знаний о ресурсе доверия к праву, как в системе «мягких» переменных в социологическом дискурсе, и обозначила, как необходимое условие обеспечения социального порядка. Однако системный анализ ресурсов права ограничивается редукцией ресурса права и проблемами институционализации права общества с одной стороны, и, что актуально для российской социологической мысли, ссылкой на патерналистский или представительский синдромы в мотивационных структурах населения, с другой стороны как деформирующем восприятии права в качестве легитимного социального ресурса. Поэтому с целью заполнения лакун в интерпретации и осмыслении процесса институционализации правовых практик в российском обществе и путей повышения эффективности права в социальном взаимодействии необходимо подчеркнуть самостоятельность и обоснованность исследования данной проблемы.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы проанализировать в рамках существующих социологических подходов социо-структурную и социально-институциональную особенность ресурса доверия к праву в условиях российского общества. Реализация поставленной цели осуществляется в процессе решения следующих исследовательских задач:

- рассмотреть ресурс доверия к праву как социальную категорию в контексте социологического дискурса;
- проанализировать специфику права как социального института в российском обществе;

– показать состояние правовой ресурсообеспеченности различных групп и слоев российского общества;

– изучить взаимодействие между состоянием института права в российском обществе и восприятием права различными социальными группами в контексте доверия к праву;

– исследовать ресурс доверия к праву в деятельностно-мотивационных структурах российского населения;

– проанализировать ресурс доверия к праву в контексте становления и развития правового поведения российских граждан.

Объектом исследования является право как базисный социальный институт российского общества.

Предметом исследования выступает ресурс доверия к праву как способность различных социальных групп российского общества к использованию права в качестве инструмента социального действия для реализации определенных групповых и индивидуальных целей, а также способа интеграции в систему социальных отношений.

Гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что в современном российском обществе существует парадокс социального доверия, который выражается в том, что, с одной стороны, отсутствует доверие к власти как источнику и гаранту права, которое замещается локализованным доверием на уровне межличностных отношений малых групп, а с другой – доминирует патерналистский (представительский) синдром, который связывается с опекунскими ожиданиями от власти. Ресурс доверия к праву, таким образом, является не механизмом формирования легитимных социальных практик, а ориентирован на избирательность и присвоение права. Тенденция к возрастанию потребности в легитимном использовании права определенных социальных групп ориентирует на повышение эффективности правовых норм и инструментальности права. Доверие к праву выступает как условие преодоления синдрома зависимости и замещения опекунских ожиданий инструментальными и, в перспективе, институциональным доверием к праву.

Теоретико-методологическая основа исследования. Работа основывается на положениях права как коллективного представления и способа поддержания органической солидарности в работах

Э. Дюркгейма; права как образца целерационального поведения М. Вебера; нормативности права в обеспечении социально-ролевого поведения Т. Парсонса; положения институционального подхода дополняются выводами неклассической социологии П. Бурдьё о ресурсности доверия к праву как способности интернализации правовых норм в соответствии с базисными социальными диспозициями, а также понимания ресурса доверия к праву как «мягкой» переменной в концепции социального взаимодействия П. Штомпки.

В работе использованы известные труды отечественных ученых Т.А. Заславской — об институционализации правовых практик в российском обществе; М.А. Шабановой — о концепции индивидуальной/социетальной свободы. В диссертации задействованы эвристический потенциал концепции социальной ресурсообеспеченности населения Т.Н. Тихоновой, а также исследования А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, С.В. Патрушева, дающие возможность рассматривать доверие в качестве опорной точки в легитимации гражданского участия. В работе используются процедуры сравнительного и статистического анализа.

Эмпирическая база исследования опирается на государственную и внешнюю статистику, содержит вторичную обработку социологических исследований, проведенных учеными ИС РАН под руководством М.К. Горшкова в 1998–2008 гг., ИСПИ РАН 1996–2007 гг., а также исследовательских социологических центров городов Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск.

Научная новизна исследования состоит в социологическом анализе ресурса доверия к праву в современном российском обществе. К результатам исследования, обладающим признаками новизны, относятся следующие:

– ресурс доверия к праву как социологическая категория рассмотрен с позиции деятельностно-структурного подхода; установлено, что ресурс доверия к праву, несмотря на вариативность подходов в изучении и выявлении зависимости ресурса доверия к праву от социальной структуры, основан на актуализированности права в качестве способа и регулятора социального взаимодействия, т. е., носит инструментальный характер;

– проанализирован процесс институционализации права в российском обществе в рамках становления новой социальной структуры и модернизации общества; понимание права, как обладающего основным модернизационным эффектом, оказывающим влияние на переход общества к обществу рыночного типа, и становлению правового государства;

– ресурс доверия к праву исследуется в контексте доступа к правовым ресурсам конкретных социальных групп российского населения; показано, что доверие к праву определяется инструментальным отношением у успешно адаптированных групп и патерналистскими ожиданиями со стороны базисных социальных групп;

– показано на обширном социологическом материале, что включенность в институциональные правовые практики является результатом и следствием в большей степени не функциональности/дисфункциональности института права, господствующих в конкретных социальных группах социальных практик;

– определены основные диспозиционные параметры ресурса права, связанные с ориентацией на право в зависимости от модели социального поведения, ставок на доверие/недоверие к праву;

– исследованы границы ресурса доверия к праву в перспективе становления правового поведения российского населения, что связано с включением в социальную ресурсность населения права как регулятора общественных отношений, и инструмента формирования и реализации жизненных стратегий, исходя из модификации системного доверия к праву в контексте этатакратизма к институциональному доверию, связанному с деперсонализацией права.

Положения, выносимые на защиту:

Ресурс доверия к праву как социологическая категория артикулирован в качестве социального фактора (Э. Дюркгейм) и социальной нормы (Т. Парсонс) в классической социологической мысли, в которой подчеркивается зависимость доверия к праву от уровня институциональных правовых практик в обществе. Постклассическая социология выявляет, что актуальность права как регулятора социальных отношений определяется с одной стороны рутинизацией права, включенностью в практические действия, с другой – соотно-

шением формальных и неформальных правил игры в обществе, что делает необходимым осмысление и анализ ресурса доверия к праву, как «мягкой» переменной в социальном взаимодействии, и выявление взаимосвязей между уровнями локального социального доверия и институционального доверия к праву.

Внедрение права в российском обществе связано с его оценкой как наиболее эффективного и «быстрого» механизма социальной модернизации, что имело последствием, с одной стороны, трансформацию социального порядка, в условиях спонтанности складывающейся социальной структуры, локализация социального доверия привела к парадоксальности восприятия права, которое ориентировано на групповое или личное присвоение, не связанное с доверием к государству как источнику и гаранту права. С другой стороны – ресурс доверия к праву, воспринимается как транспозиционное, не имеющее под собой определенных институциональных оснований.

Ресурс доверия к праву в российском обществе дифференцирован по принципу доступа к праву; «присвоение» права способствует социальной дезинтеграции общества и, таким образом, доверие к праву трансформируется в кредит доверия к своей группе и носит выборочный характер, опосредуется непозиционным доверием, связанным не с определенными социальными ролями, а со ставкой на возможность использования права в сохранении и пролонгировании или перемещении социальных позиций. Распространение неправовых социальных практик в российском обществе определяется высокой степенью системного институционального недоверия, в которой право принимает персонализированный, неформальный характер и связано с доверием «к лицам», а не к нормам, что вносит элемент когнитивного диссонанса в понимание права и не позволяет обеспечивать его эффективное применение. В то же время возрастает потребность в использовании права в качестве инструмента социального взаимодействия со стороны определенных социальных групп, относимых к категории среднего класса, что требует обеспечения условий институционального доверия, прежде всего в повышении функциональности права, рационализации социальных норм и реализации формального принципа равенства перед законом.

Анализ институциональных предпосылок права в российском обществе выявляет тенденцию возрастания потребности в эффективности правовых норм в переходе от «чужеродности» и избирательности права по отношению к «своим – чужим», к удовлетворению интересов (коллективных и индивидуальных) в рамках правовых норм. Институт права, выполняя функцию воспроизводства социального порядка, в силу дефицита ресурсов принуждения к праву и генерализованности права, содержит «лазейки» для удовлетворения узкогрупповых или персонализированных интересов, что повышает недоверие к праву. Но не менее очевидно, что российское население не идентифицируется с правом как основным социальным институтом, ассоциируя идеал порядка и справедливости с институтами, удовлетворяющими потребности в социальном доверии вне сферы права.

Исследование социально-диспозиционных структур основных социальных групп, представляющих российское население, показывает, что отношение к праву базируется преимущественно на стереотипизации, когда с правом связана реализация патерналистских комплексов, т. е. предоставление определенных социальных благ или репрессивного воздействия на группы «коллективных фобий». В соответствии с данной установкой доверие к праву определяется не по принципу социальной эффективности, а в качестве инструмента преференциальности/диффамационности. Право в силу этого обстоятельства рассматривается только как доверие к «сильному» государству, существует разрыв между локальным доверием, связанным с преференциальным использованием права, и системным доверием, ориентированным на репрессивный характер права, что снижает возможности становления культуры доверия как условия становления гражданского общества перед государством.

Перевод социального поведения российского населения в состояние правового режима определяется как возможностями расширения доступа к ресурсам права, так и в не меньшей степени сломом прагматистского и пассивно-адаптационного стереотипов права. В системе совершенствования права необходимы повышение правовой компетентности российского населения и воздействие

права на социальном микроуровне, замещение локального доверия (доверия к «своей» группе) доверием к праву, как способу минимизации социальных рисков. Поскольку разрыв институционального доверия к праву и доверия к государству, которое носит абстрактно-символический характер и в силу этого обстоятельства лишено критерия социальной желательности, неизбежно приводит к персонализации права и, следовательно, к нарушению баланса общественных и индивидуальных интересов, позитивная тенденция выявляется в интегрирующем влиянии права на сферу защиты личных прав и свобод, как соотносимых с логикой становления эффективного правового государства через перевод символического доверия к доверию институтам права.

Научно-практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности использования ее положений и выводов в исследованиях по общей социологии, социологии права, теории социального и правового воспитания. Полученные в диссертации результаты также могут быть востребованы в разработке решений в сфере государственной и региональной социально-экономической и правовой политики, реализации программ правового воспитания населения и выработке рекомендаций по повышению эффективности работы правоохранительных органов. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в высшей школе при чтении курса социально-гуманитарных дисциплин, в частности, социологии, социальной философии, социальной психологии, и служат «стартовой площадкой» при дальнейшей разработке данной проблематики.

Апробация работы. Концепция диссертации, основные положения, выносимые на защиту, и теоретические выводы обсуждались на заседаниях кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. Главные положения, теоретические и практические выводы и результаты исследования были изложены автором в докладах и выступлениях на научных семинарах и научно-практических конференциях в Ростове-на-Дону в 2007 – 2008 гг.

Результаты диссертационного исследования представлены в 5 научных работах (в том числе в изданиях, упомянутых в списке ВАК) общим объемом около 3,1 п. л.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, освещается степень ее разработанности, формулируются цель и задачи исследования, обосновывается гипотеза исследования, показаны научная новизна, представлены основные положения, выносимые на защиту, и практическая значимость исследования.

В **главе 1 «Теоретико-методологические основания исследования доверия к праву»** обосновывается необходимость проведения теоретико-методологического анализа ресурса доверия к праву, который является операциональной социологической категорией в контексте социологического анализа современного российского общества.

В **параграфе 1.1 «Ресурс доверия в контексте социологического знания»** проанализированы основные подходы классической и неклассической социологии к исследованию ресурса доверия к праву, что свидетельствует об устойчивости социологической традиции в данной предметной сфере социологии.

Автор диссертационного исследования полагает, что проблему доверия высвечивает дискуссия Г. Тарда и Э. Дюркгейма. Если для Дюркгейма общество – социальная система, продуктом которой является отдельный индивид, то Тард выступает с позиции номинализма, для которого общество – всего лишь продукт взаимодействия индивидов. Такой подход экстраполируется на проблему социального доверия. Доверие Тарда рассматривает в контексте теории подражания. В концепции Тарда доверие имеет основания в ассоциативной природе человека. В то же время, Тард парадоксален в том смысле, что, считая подражание идущим изнутри наружу, он вынужден

ограничиваться доверием, возникающим спонтанно. Модель Тарда «усвоения образца сверху – вниз», постулирует доверие, которое у него не требует доказательств.

Диссертант анализирует позицию Э. Дюркгейма, для которого доверие является коллективным представлением, тем условием, которое определяет социальное взаимодействие. Дюркгейм, дискутируя с Тардом, исходит из того, что солидарность сильна только в той мере, в которой понятие и стремление всех членов группы превосходит по числу и интенсивности те, которые принадлежат лично всякому из них¹.

По Дюркгейму, обмен ролями является требованием к прозрачности доверия. В качестве такового доверие выступает признаком органичности общества, у которого нет альтернативы. С одной стороны, доверие удостоверяет индивидуальную идентичность, с другой, подчеркивает зависимость индивида в контексте социального взаимодействия. Такое доказательство имеет преимущество перед тардовской неопределенностью подражания, когда социология извлекается от психологизма, не должна ссылаться на доверие как некое имманентное свойство человека.

Автор диссертации считает, что позиция Дюркгейма в проблеме социального доверия является объективистской. По крайней мере, доверие понимается как совокупность договорных начал, т. е. только благодаря ему и осуществляется обмен социальными функциями. Но доверие, с другой стороны, структурировано условиями общественной жизни, т. е. зависит от того, насколько дифференциация социальных ролей не переходит в антагонизм.

Эта позиция Дюркгейма развивается в работах Т. Парсонса, для которого доверие является, пусть и не эксплицитной категорией, но обладающей значением нормативности. Иначе говоря, доверие, по Парсонсу, является той границей, благодаря которой и осуществляется существование открытой социальной системы. К такому убеждению диссертант приходит, сравнивая и рассматривая тот подход, который Парсонс предлагает для решения так называемой дилеммы между универсальными требованиями и партикулярными целями.

¹ Западноевропейская социология XIX – начало XX века. М., 1996. С. 257.

Ученый полагает, что доверие выражает системный характер, т. е. в системе «субъект–действие» ситуация имеет мотивационное значение для составляющих его индивидов.

Основная причина и состояние доверия/недоверия в обществе для Парсонса зависит от того, насколько система удовлетворения потребностей (социальных функций институтов) согласуется с ориентационностью социального действия.

Автор делает вывод, что нормативистская модель доверия Т. Парсонса фиксирует позицию беспристрастного наблюдателя, но признает доверие только в качестве сведения другого индивида к выполняемой им роли. А между тем именно идея несводимости личности к ее социальным ролям определяет современное представление о доверии¹.

В неклассической социологии, таким образом, проблема доверия имеет как когнитивистский смысл, определяемый существованием абстрактной системы производства и риска Э. Гидденса, выступающей в качестве безусловности, т. е. предпосылки социальной уверенности, так и в концепции структуралистского конструктивизма, где доверие фиксирует неординарные ситуации и позволяет индивиду не только согласовывать ролевые ожидания, что достаточно проблематично в условиях ресурсного неравенства, как направлять свои усилия на уменьшение расхождений между ожиданиями и устремлениями, возникающими в результате объективации «неприятных» для него условий.

Параграф 1.2 «Проблема доверия в российском обществе: теоретико-методологический аспект» посвящен формированию теоретико-методологического конструкта исследования, содержащему объяснительный эвристический потенциал анализа ресурса доверия к праву в российском обществе.

В диссертационном исследовании подчеркивается, что анализ феномена доверия предполагает учет двух тенденций. С одной стороны, формализация, приводящая к доминированию формальных правовых норм, с другой – сохранение неформального локализованного доверия, определяемого как условие регулирования тех сфер

¹ Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002. С. 67.

общественной жизни, в которых формальные институты оказываются неэффективными. Предполагается, что понятие доверия не ограничивается только экономической и политической сферами, и в большей степени сфокусировано на сфере межличностных отношений. К тому же для российского общества характерно сочетание структурных и символических характеристик доверия, когда одновременно и воспроизводятся традиционные локальные установки, и очевидна тенденция к «идеализации» государства, как замещению дефицита институционального доверия.

Взгляд на современное российское общество не может ограничиваться констатацией массового недоверия. Пределы доверия расширяются по мере роста тех форм социальной деятельности, где следует учитывать баланс взаимных интересов. Здесь выше и степени риска, и ответственности, и правовая, и социальная. Между межличностным доверием и доверием к государству существует вакуум, в котором и получается парадоксальная картина: выражение доверия к государству как следствие недоверия к «другому».

Ресурс доверия не может интерпретироваться в сравнительной процедуре. Не представляется достаточно обоснованным то, что советское общество внешне представлялось гораздо более сплоченным, чем нынешнее бесправное и утратившее иллюзии население России¹. Несомненно, в оценку ситуации доверия можно внести и эффект социальной поляризации общества, который в не меньшей степени имеет значение, а также и эффект недоверия государственным институтам.

По мнению автора диссертации, институт права оказывается в парадоксальной ситуации, когда, собственно, ему приписывается роль инструмента наведения порядка и, в меньшей степени, эффективного хранителя социальной сплоченности. Доверие может представляться «нетронутым» ресурсом. Но дело не только в том, что большинство населения рутинизировало локальное доверие. Гораздо важнее то, что существующие уровни позиционного и институционального доверия не удовлетворяют потребности ни социальной

¹ Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. М., 2003. С. 11

организации, ни усиления социально координирующей роли государства.

Представленная в диссертационном исследовании «картина» основывается на введении в исследование, в качестве базового критерия, институционального доверия.

На основании критерия институционального доверия можно выделить несколько ключевых направлений, по которым реализуется ресурс доверия в российском обществе:

- доверие как неформальный социальный ресурс, ориентированный на преодоление или расширение существующего коридора легитимных возможностей;

- генерализация доверия, движение к формально-правовому доверию, связанному с устранением противоречий между нормами и процедурами, действующим на локальном и макроуровне.

- адаптация формальных (правовых) ограничений к неформальным практикам населения, что, казалось бы, является парадоксальным в условиях недоверия.

Диссертант считает, что динамика отношения россиян к доверию во многом будет определяться тем, каким образом институт права влияет на стабильность социальной структуры российского общества, и как это отражается на социальном самочувствии россиян, а также тем, в какой мере российское общество сумеет справиться с кризисом позиционного (институционального) доверия, определить институциональную идентификацию, а это, в свою очередь, непосредственно связано с выработкой стратегии адаптации к формально-правовым ценностям, с выработкой механизмов согласования формально-правовых ценностей и тех установок и ориентаций, которые характерны для социального самочувствия населения.

В главе 2 «Доверие к праву в воспроизводстве социальнойности в российском обществе» подчеркивается, что ресурс доверия к праву в российском обществе зависит от структурных условий и институциональных предпосылок права, которые и представляют рамки актуализации исследуемого феномена в массовых социальных стратегиях россиян.

В параграфе 2.1 «Реструктуризация российского общества: доверие в системе социальных отношений» отмечается, что на доверие к праву оказывает влияние такая социально-статусная позиция, как доступ к правовым ресурсам, что в условиях сегментирования социального пространства накладывает на оценку права акценты разделительности и прагматизма.

Доверие имеет непосредственное отношение к праву, поскольку этацентристская и локалистская парадигмы нуждаются определенном общем знаменателе. Социальная стратификация и социальная активность различных групп населения, в которых изменяются реальные социальные структуры, возможны в рамках постоянных правил социальной игры. Но можно сделать предположение, что каждая социальная группа имеет как бы свой слой стратегий, причем они не одинаковы и акцент сделан на доступ к различного рода ресурсам. И если ограничения не накладываются через институциональные формы, то исходные условия определяются стремлением к воспроизводству социальных позиций.

Автор диссертации исходит из того, что следует выделить «чистые» модальные группы, в которых доверие к праву может корреспондироваться с определенными группообразующими параметрами, делая более или менее вероятным реализацию жизненных стратегий. Ведь по существу социальная структура есть развитие социальных отношений. И в этом контексте важным является рассмотрение комбинации «доверие – право». В исследовании коллектива под руководством М. К. Горшкова отмечается, что интегральной ценностью для россиян является справедливость, причем 44 % из них живут с постоянным чувством несправедливости происходящего. Отсюда отрицательные ожидания, связанные с потерей доверия к обществу, к взаимодействию с другими группами, и возросшие, часто несбыточные, ожидания государства. И в связи с этим рост системного доверия можно обозначить как накопление отложенных ожиданий.

Выявлено, что социальные траектории россиян неизбежно пересекаются в пространстве «власть – собственность». И, как известно, хотя и до конца незавершенная разделенность этих институтов

и влияет на замещение доверия принуждением или исключением, проходит, хотя и сравнительно медленно, процесс реабилитации социального доверия.

Право, по мнению автора становится не формой регулирования социальных отношений, закрепления социального статуса или его изменения путем включения достигнутых легальных практик, процесс социального расслоения, которое связано с нарушением принципа меритократии, выводит на первый план близость (дистанцию) от социальных ресурсов, где отсутствие экономической мотивации порождает использование права в качестве инструмента перераспределения собственности, капитала и труда. И если общество распадается на определенные социальные сегменты, то и восприятие права дезинтегрировано, т. е. речь идет не о разнообразии отношений к праву, которое, естественно, было бы связано с социальным капиталом группы, а преобладает позиция накопления безопасности или активизма, но принятого как прагматизм права.

Социальные позиции отражают, на взгляд диссертанта, две противоположные по сущности тенденции: с одной стороны, растет доверие к своим внутри группы, с другой – в пороговом значении находится позиционное доверие которое предполагает исполнение ролевых ожиданий, то, что, по Дюркгейму, является объективной основой социального взаимодействия, органической солидарностью.

Так как российское общество является сегодня социально-дезинтегрированным и переживает социальную дифференциацию, мы имеем дело уже с более или менее устойчивой социальной структурой, включающей в себя элиту, средний класс, базисные социальные слои. Говорить о причинах доверия/недоверия в обществе следует, выдвигая на первый план не только негативные тенденции, но и то, что является следствием дисбаланса социальных интересов, социальной диспропорциональности¹.

Можно предположить, что социальные группы в российском обществе так и не выработали механизмы артикуляции своих интересов, которые бы идентифицировали их с правовой системой. Если в России сложились группы (предприниматели), которые отождеств-

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287

вляют себя с пусть и не совершенным, рынком, и население видит, воспринимает их как рыночный класс, то в социальной структуре российского общества не обнаружена группа, которая опиралась бы на правовые нормы. Право, скорее, переносится на «абстрактное» государство, а его плюсы и минусы связаны с деятельностью органов власти.

В параграфе 2.2 «Институциональные предпосылки доверия к праву» осуществлен анализ института права в российском обществе, что связано с выявлением тенденции запроса на открытые функции института права и сохранением реальных неправовых практик, обуславливающих расхождение между доверием к праву, как безусловности социальных отношений, и недоверием к структурам, наделенным представительством и реализацией права.

Институт права, можно предположить, утвердившись в общественном восприятии как функциональный, испытывает недостаток доверия, но прежде всего в тех сферах, которые затрагивают непосредственную жизнь россиян. Так, судебной системе доверяют 21 % респондентов, не доверяют – 56 %¹. А именно судебная система призвана охранять права граждан, разрешать социальные конфликты и способствовать утверждению законности в обществе. Но, с другой стороны, редуцирование права к судебной системе содержит определенные издержки. Во-первых, в российском обществе не развита культура судебного разбирательства, что связано и с традицией неписаной правды (неписаного права), и с недостаточной правовой компетентностью населения. Во-вторых, отношение к судебной системе, в целом, отражает перенос права на доверие к государству. И судебная система не воспринимается независимо от государства, как третья власть.

Автором выявлено, что существующая система разделения личной (приватной) сферы, как сферы неформальных отношений, и наложение действия права только на публичную сферу, на уровень взаимодействия с обществом и государством не представляет возможности считать, что ресурс доверия (локализованное доверие) может трансформироваться в доверие к институту права, если возрас-

¹ Чего опасаются россияне? М., 2008. С. 44.

тет его влияние (обнаружится тенденция) к формализации микро-отношений на социальном микроуровне. Это означает, что институт права не теряет репрессивный смысл, может не восприниматься как угроза в приватной сфере, но сохраняется достаточная дистанция, которая не позволяет говорить о легализации повседневной жизни российского населения. Тем более, что даже в рыночных продвинутих сферах, и среди тех слоев населения, которые являются опорой современного общества (жителей мегаполисов, среднего класса предпринимателей) институт права, скорее воспринимается как подстраховочный или как инструмент достижения квазиколективных целей, в отстаивании позиций с государством.

И это обстоятельство, на взгляд диссертанта, не может ассоциироваться только с несовершенством права или с тем, что право используется как инструмент реализации групповых интересов. Причиной сравнительно невысокого уровня доверия является встраивание права в систему сложившихся неформальных отношений.

К тому же рост доверия не означает роста уважительного отношения к праву, как инстанции, обладающей признаками добровольности. Институт права до сих пор воспринимается как институт обязательного исполнения, то есть доверие как сфера, подпадающая под определение неформализованного общения, не может быть перенесена в отношении доверия к институту права, как процедуре демонстрации лояльности к государству.

Диссертант делает вывод, что наиболее оптимальным является выявление и анализ условий функционирования института права в российской обществе. На первый взгляд кажется, что ответ лежит на поверхности. Речь идет о так называемой «маргинализации» права, о вытеснении на неприоритетные (периферию) социальные отношения и сложившуюся институциональную систему. Но здесь уместен вопрос о восприятии, о субъективации права, как института в социальных позициях населения, об идентификации населения с легальными социальными практиками. Поэтому необходимо не только выявление функциональных параметров права, но и в первую очередь восприятие права как института. Социальные образы права могут существенно влиять не только на оценку, но и на функциональность/

дисфункциональность права, выделение латентных или открытых функций.

Более вероятным, считает автор, представляется наращивание ресурса доверия к праву, исходя из перевода правовых схем из «серого» в открытое состояние и генерализации из ликвидации дефицита правовых ресурсов путем социальной капитализации права, то есть его переноса из сферы государственной компетенции в сферу тех групп, которые по социально-профессиональным установкам ощущают востребованность в праве, имеют отчетливо выраженный правовой запрос.

В главе 3 «Доверие к праву в социальном восприятии россиян» рассматривает субъективный аспект ресурса доверия к праву, основываясь на восприятии россиянами права и степени значимости в социальных диспозициях российского населения.

В параграфе 3.1 «Ресурс доверия к праву: субъективное измерение» подчеркивается, что социальные диспозиции россиян определяются стереотипизацией права, что ориентирует на преобладание репрессивного (традиционного) и опекунского образов права и способствует закреплению переноса права на сферу отношений населения и государства.

Автор диссертации исходит из того, что образы права в российском обществе инерционны. И в первую очередь следует говорить о репрессивном, карательном акценте права, права, которое принимается как инструмент раздачи кнута и, в меньшей степени, пряника. С чем связана такая «кровожадность»? На наш взгляд, проблема состоит в том, что сложился устойчивый стереотип, что существующие правовые нормы служили и служат «ширмой» для совершения в обществе социальной несправедливости, или к тому, что направлены в угоду только узкому кругу людей, российской элиты в то время, как население не может воспользоваться «благами» права и действует по схеме договоренности (таковых 13 %) по сравнению с 10 %, кто желал бы обратиться в поисках справедливости в суды. Это небольшое расхождение свидетельствует о том, что в деятельностно-мотивационной структуре доверие к праву размыто, уступает патерналистским и партикуляристским настроениям.

Можно считать, что доверие к праву как социальный ресурс коррелируется с социальным благополучием россиян, к каковым группа исследователей во главе с М. К. Горшковым относит 35 %. И доверие в этом смысле выступает как оппозиция, альтернатива социальной агрессивности, которая в российском обществе не достигается концентрацией в каких-то конкретных социальных группах, но тем не менее характерно для каждого пятого россиянина.

Условно, российское население разделяется на три группы:

- тех, для кого доверие к праву выступает осознанной жизненной потребностью. К таковым, относится треть населения;
- неопределившиеся, которые ограничиваются, декларируют системное доверие по отношению к праву, как к институциональному доверию, выборочно, ситуативно;
- аутсайдеры доверия, у которых доверие в оптимальном смысле носит локальный характер.

Такая градация, являясь операциональной, позволяет говорить о неравномерности распределения ресурса доверия в жизненных позициях россиян. И в силу этого российское общество нельзя назвать обществом абсолютного недоверия, но и до общества, в котором бы доверие к праву как признак гражданского общества и правового государства доминировало, еще, наверное, далеко.

Следует принимать во внимание то обстоятельство, что в восприятии населения право уступает по смыслу социальной справедливости. С правом часто связывается недостаток доверия, исчезновение привычных добрососедских, исчезновением добра и социальной консолидированности, и ростом социального одиночества. Те, кто безусловно принимает доверие как механизм легитимных социальных конфликтов, считают, что доверие к праву может применяться только по отношению к другим или, желательно, в отношениях с государственными структурами.

Необходимо отметить также, что существующая в обществе неуверенность в завтрашнем дне, даже среди молодежи, вызывает в качестве последствия сдержанное отношение к праву, поскольку право ассоциируется с ординарными, стабильными ситуациями, системными ограничениями, а в силу неуверенности, респонденты не

склонны связывать себя обязательствами.

Социальные диспозиции российского населения, таким образом, демонстрируют, что не существует корреляции между социально-имущественным положением, которое принято в качестве основного критерия социальной дифференциации, и установками по отношению к праву. Ставка на доверие/недоверие скорее размыта, чем концентрирована в различных социальных группах. И средний класс в этом смысле проявляет неоднозначную, во многом неопределенную оценку права.

Основная проблема состоит в том, что личностная, индивидуально-ориентированная позиция во многом определяет отношение россиян к институту права. Поэтому возможны повороты в изменении как в отношении к праву, так и в отношении к государству, которое выступает не просто основным источником, но и самодостаточным субъектом права.

Автор диссертации полагает, что проводимые в России правовые реформы вполне укладываются в рациональные категории и проводятся людьми достаточно компетентными. Но в сознании населения прочно утвердилось убеждение, что право не является институтом, обеспечивающим равенство всех перед законом, обеспечивающим в перспективном смысле равенство возможностей, а также то, что за правом сохраняется ресурс системного ограничения. Влиятельность антиправовых установок – следствие в системном смысле незавершенности экономических и социальных организаций. Но она же имеет и определенное позитивное значение.

Автора диссертации обнадеживает тот факт, что доверие к праву является востребованной потребностью российского населения в том смысле, что, осознавая узкие рамки локализованного доверия и неэффективность системного доверия, не опирающегося на правовую компетентность, россияне, делая поправки на несовершенство права, ориентированы (каждый второй) на безусловное исполнение закона, что, конечно, не означает доверия к праву как таковому, но влияет на социальные диспозиции, как шанс выравнивания (легитимации) способов, которые определенным образом содействуют включению ресурса доверия к праву в социальные практики.

В параграфе 3.2 «Пути формирования правосознания населения в контексте актуализации ресурса доверия» определяются перспективы роста ресурса доверия к праву в российском обществе как условия социальной солидарности и социальной стабильности.

Ресурс доверия к праву имеет два аспекта. Во-первых, укрепление институциональных предпосылок права, т. е., доказательства эффективности правовых норм и не столько в нормативном аспекте, сколько с точки зрения выгоды по сравнению с нелегальными; приведение к формуле, когда издержки правовой транзакции превышают выгоду от них. Во-вторых, также перспективны корреляция образов права, восприятие права в социальных диспозициях россиян. Выявлено, что эти два процесса не так уж разделены между собой, поскольку от интернализации институциональных норм, от правовой социализации зависит включенность/невключенность ресурса доверия к праву в жизненные позиции, а жизненные установки содействуют использованию открытых, а не латентных функций института права и минимизируют желание воспользоваться ресурсом права для достижения узко групповых или индивидуальных (индивидуалистических) целей, замешанных на правовой безответственности.

Ресурс доверия к праву нуждается в институциональных предпосылках на трех уровнях: 1. совершенствование системы права как регулятора социальных отношений; 2. усиление социального контроля за исполнением права; 3. возможность включенности максимально большого количества населения в использование правовых ресурсов.

Как выявлено, с правом не ассоциируется возможность успеха. И институт права испытывает тот же эффект снижения интереса, и по отношению к политике. И если в политике просматривается отчетливо выраженная тенденция деидеологизации, то по отношению к праву формируется несколько иное изменение настроений. Так, здесь заметно меньше тех, кто не интересуется правом, но при этом не отдает предпочтение праву как мейнстримовому (базисному) институту российского общества.

На взгляд диссертанта, наращивание ресурса доверия к праву с выходом на системный уровень связывается с переносом понимания

права социального микроуровня на уровень социальной интеракции. Активным право становится в качестве согласительного, договорного механизма в обществе и государстве. Ресурс доверия к праву имеет перспективу хотя бы потому, что исчерпание ресурса самополагания и социального оптимизма, которые проявляются в кризисных условиях, переориентирует население на поиск не столько личностно-символических, сколько способных оказывать влияние на социальные позиции механизмов.

Автор делает вывод о том, что застойное отношение к праву, то есть отношение как к инструменту влияния государства, опекунских ожиданий или, напротив, репрессивного механизма, хотя и является уделом многих, но меняется в сторону понимания реститутивности права, которое бы ограничивало вероятность попадания группы социального регресса, обеспечивало минимумы социальных и гражданских прав и, главное, поддерживало устойчивое социальное самочувствие.

С этих позиций институт права может считаться объектом идентификации со стороны населения при условии, конечно, что правовые нормы актуализированы как нормы социальной профилактики и социального согласования. Не должны успокаивать вера в лучшее будущее и то, что надежда не покидает россиян. Такая позиция приводит к краху права, так как иллюзорна в контексте режима отложенного ожидания.

Безусловно, обещающим является повышение социального престижа права как ресурса, который не только используется в ситуации размежевания с другими, определения приватной позиции, сохранения индивидуальной свободы, но и «завязан» на выполнении взятых на себя обязательств, формировании долгосрочных отношений не только с актуальным и потенциальным окружением, но и с обществом.

Таким образом, диссертационное исследование выявляет три магистральных направления совершенствования (наращивание ресурса доверия к праву) права в обществе:

Право как механизм социальных инноваций, содействуя становлению базисных институтов общества, института собственности, института прав, института образования, не может считаться оконча-

тельным. Внедрение права предполагает интернализацию правовых норм, превращение в позиции граждан, в условия воспроизводства социальных позиций граждан, в идентификацию с институтом права. Много говорится о нерыночной культуре россиян, о том, что в их ориентациях преобладает выбор неконкурентных институтов. На наш взгляд, это крайне неверное суждение. Армия и церковь становятся аттракторами общественных симпатий, поскольку олицетворяют порядок. По мере усиления авторитета института права как раз ему принадлежит место стать механизмом согласования рыночных свобод и гражданской ответственности. В доверии к праву есть искомый пункт для разрешения диллемы «рынок — общество — государство».

Необходимо признать, что в социальных диспозициях россиян признан приоритет законопослушания. И эта тенденция должна из абстрактной переместиться в предметную сферу, т. е. перейти в форму реального правового поведения, что определяется формированием (затрудняется дефицитом) в обществе референтных правовых групп, каковыми, к сожалению, не является и российский средний класс. И в этой ситуации особая роль принадлежит российскому политическому классу, который, несмотря на многочисленные претензии, ассоциируется с государством.

Перспективы ресурса доверия к праву связывают и с изменением сфер межличностных отношений, так называемых, «социальных» сетей. Хотя традиционно и прочерчивается грань между приватной и публичной сферой, но локализация социального доверия, как деления на «своих и чужих». Замещение доверия на системном уровне доверием к «идеальному» государству является пролонгацией, воспроизводством вакуума права. Ресурс доверия к праву в таком ситуативном контексте, несмотря на ситуативные признаки стабильности, ограничивается внешним признанием права. Доверие к праву предполагает процедуру социальной капитализации, т. е. постепенного замещения неформальных ресурсов, и становление на месте «социальных сетей» структур гражданского общества.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, указываются проблемы, требующие перспективного изучения.

**По теме диссертационного исследования
опубликованы следующие работы:**

В изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России

Кондратенко В.И. Доверие в контексте социологической мысли // Научная мысль Кавказа. 2006. Доп. выпуск 2.– 0,5 п. л.

Кондратенко В.И. Институт права: восприятие и оценки российского населения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 8. – 0,5 п. л.

Другие издания

Кондратенко В.И. Ресурс доверия в контексте социологического знания // Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. Материалы IV Всероссийской научной конференции «Со-рокинские чтения» (1–2 декабря 2008, Ростов-на-Дону). М.; Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 0.1 п. л.

Кондратенко В.И. Проблема доверия в российском обществе: теоретико-методологический аспект. Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2007. – 1 п. л.

Кондратенко В.И. Реструктуризация российского общества: доверие в системе социальных отношений. Ростов н/Д: Антей, 2008. – 1 п. л.

Сдано в набор 18.02.2009. Подписано в печать 18.02.2009.

Формат 60х84/16

Печать офсетная, гарнитура Times New Roman.

Тираж 100 экз. Заказ № 318.

Отпечатано ООО «Антей».

344037, г. Ростов-на-Дону, 24 линия, 20.